
ЭТНОДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ СТРАН И РЕГИОНОВ В ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕТРОСПЕКТИВЕ

УДК 314.148.02:355.48"1380"

DOI: 10.19110/2304-5922-2021-1-4-10

К.А. Аверьянов*

Куликовская битва: демографические потери Руси

Несмотря на то, что исторические источники дают точные сведения о числе погибших русских воинов на Куликовом поле (250 тыс. чел.), большинство исследователей полагают их преувеличенными, а сражение считают незначительным событием. В качестве аргумента приводится мнение, что на Куликовом поле не было физической возможности поместить огромную массу людей. Анализ всей совокупности материалов показывает правоту источников. Выясняется, что битва происходила примерно в 50 км от общепринятого места, в верховьях реки Непрядвы. Здесь же обнаруживаются захоронения погибших воинов.

Ключевые слова: Куликово поле, Дмитрий Донской, численность войск, демографические потери, захоронения

K.A. Averjanov

The Kulikovo field: demographic losses of Russia

Despite the fact that historical sources provide accurate information about the number of Russian soldiers who died on the Kulikovo field (250 thousand people), most researchers consider them to be exaggerated, and the battle was an insignificant event. As an argument, the opinion is given that it was not physically possible to place a huge mass of people on the Kulikovo field. Analysis of the entire set of materials shows the correctness of the sources. It turns out that the battle took place about 50 km from the generally accepted place, in the upper reaches of the Nepryadva River. The graves of the dead soldiers are also found here.

Key words: Kulikovo field, Dmitry Donskoy, number of troops, demographic losses, burials

Одним из переломных моментов истории России стала Куликовская битва 1380 г., ознаменовавшая объединение русских княжеств в борьбе против ордынского ига. Какова же была демографическая цена этой победы?

Согласно «Сказанию о Мамаевом побоище», подсчеты русских потерь было поручено вести московскому боярину Михаилу Александровичу, который был «росчетлив бысть вельми». Он доложил великому князю: «изгибло у нас дружины всеа полtretья ста тысящ и три тысящи, а осталося у нас дружины пятьдесят тысящ» [1, с. 75]. Поскольку «полtretья» – дробное число, количество чего-либо, равное двум с половиной, получается, что потери составили 253 тыс. чел. из общего числа в 303 тыс. сражавшихся воинов.

Что касается численности армии Мамаю, «Сказание» определяет ее в 453 тыс. воинов. Эта цифра в памятнике возникла следующим образом. 23 июля 1380 г. из «Дикого поля» в Москву примчался Андрей Попов сын Семенов, сообщивший великому князю: «Идет на тебя, государь, царь Мамай со всеми силами ордынскими, а ныне на реки на Воронежи, а мы его силу обезжали 12 дний, и подстерегли нас царевы сторожи, мене

---

* **Аверьянов Константин Александрович** (Москва) – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра изучения истории территории и населения России Института российской истории РАН, histgeogr@yandex.ru.

и поймали». Далее он рассказал, что Мамай самолично сообщил ему о своих силах, составлявших в общей сложности 453 тыс. чел., велел по полкам водить и «показывати сосуды избранныя, еже на взятие руским градом привезли бяше». Русскому разведчику удалось убежать «у самого царя из рук», и он поспешил сообщить эти сведения в Москву [1, с. 169–170].

С учетом этих цифр в 1849 г. преподавателем Кадетского корпуса И.Ф. Афремовым был составлен план Куликовской битвы [2], на протяжении полутора столетий с теми или иными вариациями кочующий из одной работы в другую. На нем силы противников выстроены в несколько линий, своими флангами упирающимися в Непрядву и Дон. При этом ставку Мамай И.Ф. Афремов расположил на Красном холме, самой высокой точке местности, а русский лагерь поместил у села Монастырщино близ слияния Непрядвы с Доном.

Военные историки XIX в., непосредственно побывавшие на месте сражения, заметили странность этой схемы. Между Красным холмом и селом Монастырщино около 10 км по прямой (при том, что линия горизонта видна на расстоянии 11 км). Как известно, биноклей в XIV в. не существовало, а первые подзорные трубы были изобретены лишь в самом начале XVII в. Это абсолютно исключает возможность того, что именно из этих пунктов полководцы руководили сражением. Они должны были находиться гораздо ближе друг к другу. В XIX в. штаб-квартиры противников располагались на более близких расстояниях. Во время Бородинского сражения ставка Кутузова находилась в деревне Горки, а Наполеона – в деревне Валуевой, расстояние между которыми составляет по прямой всего около 5 км.

Данный факт посеял первые сомнения в истинности хрестоматийного плана Куликовской битвы. По мнению Д.Ф. Масловского (1848–1894), в древности Куликово поле в доступном для полков виде достигало в ширину не более 2,5–3 км при длине (между пригодными для наблюдения возвышенностями) около 4 км [3, с. 212].

Все это привело к тому, что к середине XX в. возобладали точка зрения, что настоящая картина сражения сильно отличалась от хрестоматийной, когда развернувшийся на Куликовом поле бой представляли как столкновение огромных людских масс, расположенных по фронту длиной 5–5,5 и даже 10 км [4; 5; 6; 7; 8].

Первой жертвой недоверия стала указанная в «Сказании» численность сражавшихся. Историки посчитали ее крайне завышенной, хотя бы потому, что подобные цифры характерны для войн более поздних эпох. Так, в 1812 г. Наполеон, располагавший 685 тыс. чел. для войны с Россией, переправил через границу 420 тыс. чел. Ему противостояли русские армии в 225 тыс. чел. Сомнения вызвали и данные «Сказания» о русских потерях. При том что в XIX в. в генеральных сражениях люди в своей массе гибли от массированного артиллерийского огня, потери были гораздо меньше. Полагают, что в Бородинской битве русские потеряли от 45 до 50 тыс. чел. из общей численности в 150 тыс. солдат. Добавим, что в XIV в. артиллерия только зарождалась и на Куликовом поле не использовалась.

Первым детальную попытку определить численность русского войска на основании независимых источников предпринял военный историк Е.А. Разин (1898–1964). Он предложил использовать данные о количестве населения за XVI в., с поправкой в меньшую сторону для XIV в. Подсчитано, что в границах того времени, исключая Сибирь, имелось 220 городов. Если предположить, что в 50 городах насчитывалось по 3 тыс., а в остальных по 1 тыс. жителей, то получится, что во всех городах жило примерно 340 тыс. чел. Сельское население на тот момент, по сведениям Н.Д. Чечулина (1863–1927), составляло около 1100 тыс. жителей.

Следовательно, в XVI в. на всей территории Русского государства в границах того времени насчитывалось примерно 1440 тыс. жителей, из которых мужчин от 15 лет и старше – 435 тыс. Духовенство и монахи составляли не менее 10 %, старики свыше 60 лет – около 5% (они исключаются из мобилизационных расчетов). Остается всего 360 тыс., из которых вряд ли можно было привлечь в войско свыше 10–15 %, что составит 36–54 тыс. воинов.

Эти данные относятся к XVI в. В обстановке непрерывных войн XIV в. плотность населения не могла быть высокой, вряд ли более 5 чел. на 1 км², что дает 250–300 тыс. жителей в Московском великом княжестве. При высоком мобилизационном напряжении в 10 %, что маловероятно по тому времени, могло быть собрано 25–30 тыс. воинов, из которых не менее 5 тыс. чел. было оставлено в Москве в качестве стратегического резерва. Следовательно, в поход выступило 20–25 тыс. воинов. Все другие княжества могли дать 25–30 тыс. воинов. Общая численность русской рати, вероятно, не превышала 50–60 тыс. чел., т. е. была гораздо меньше цифр, имеющих в летописях.

К тем же выводам можно прийти и при изучении на местности поля сражения. Левый фланг боевого порядка русской рати точно обозначен на местности высотой, на которой была в то время Зеленая дубрава; правый фланг упирался в овраг ручья Нижний Дубяк. Протяжение фронта не превышало 5 км, глубина поля достигала 4 км.

Если исходить из возможности развертывания главных сил русской рати на 4–5-километровом фронте (три полка) при построении пехоты и конницы глубиной в 10 шеренг (для конницы количество шеренг надо снизить), при наличии интервалов между тактическими и организационными полками, то в главных силах окажется не более 25–30 тыс. чел. В трех остальных полках вряд ли было больше этого. Следовательно, и при таком расчете подходим опять к цифре 50–60 тыс. чел. [9, с. 271–273, 387].

Были предприняты попытки оценить силы Мамаю. В.А. Кучкин предложил использовать метод аналогий. Считается, что в 1340 г. хан Узбек для похода на Польшу собрал 40-тысячное войско, очевидно, только с западной части Орды. В походе Тохтамыша на Тебриз в 1384/85 г. участвовало около девяти туманов, т. е. 90 тыс. воинов. Это войско было собрано, скорее всего, с обеих частей Орды [10, с. 391; 11, с. 109]. Учитывая, что в 1380 г. Мамай распорядился лишь западной половиной Орды, В.А. Кучкин говорил о 40–60-тысячной армии, собранной им для похода на Русь [12, с. 3–21].

К тем же цифрам пришел воронежский историк Ю.В. Селезнев, который вслед за Л.Г. Бескровным (1905–1980) полагал ориентировочную численность золотоордынского войска в 50–60 тыс. воинов [13, с. 6–20.]. По его мнению, примерно таким же потенциалом обладало и Московское княжество, которое могло выставить до 70 тыс. чел., т. е. даже несколько больше, чем сами татары. Говоря о войске Мамаю, он обратил внимание на фразу из «Задонщины»: «... пришел на Рускую землю царь Мамай со многими силами, з девятью ордами и 70 князьями» [1, с. 18]. Таким образом, Мамаю были подчинены девять улусов-орд. Это был собственный улус Мамаю – Крым. Далее следовали улусы Мауци, Картаана и Сартака, выделенные Батыем своим ближайшим родственникам еще при образовании Орды. Следует упомянуть пограничные с русскими землями улусы с зависимым от Орды населением – Червлёный Яр и Мордовский улус. Наконец, Мамай распорядился тремя улусами на юго-востоке его владений: Северным Кавказом, Дербентом и Астраханью. Каждый улус находился под властью царевича-чингисида или эмира (великого князя), командовавшего в походе туменом («тьмой») – отрядом в 10 тыс. воинов. Следовательно, по подсчетам Ю.В. Селезнева, теоретически Мамай мог выставить до 90 тыс. чел.

Однако со всех девяти подчиненных «орд» Мамаю, на взгляд исследователя, удалось собрать лишь 70 тыс. чел. Эта цифра возникла у него следующим образом: согласно «Задонщине», войсками Мамаю командовали 70 князей, а на Руси татарскими князьями называли нойонов или эмиров, которые в походах обычно возглавляли отряды численностью по 1 тыс. воинов. Столь большой недобор, по его мнению, объяснялся усобицами в Орде и гибелью в сражении на Воже в 1378 г. части войска эмира Бегича.

Попытался историк перепроверить эти данные. Он обратил внимание, что в «Сказании» приводится сообщение, что передовые ордынские всадники, столкнувшись с русскими полками накануне битвы, сообщили Мамаю о четырехкратном превосходстве войск Дмитрия Донского над его силами: «Поведаша царю, яко князей русских вьинство четверицею больши нашего събрания» [1, с. 62]. Поскольку этим же источником размеры русской рати определяются в 303 тыс. чел., получается, что численность ордынцев составляла 77 тыс. воинов. Эта цифра близка к подсчетам демографа Б.Ц. Урланиса (1906–1981), полагавшего, что войско Орды в 1380 г. насчитывало около 60 тыс. чел. [14, с. 38–39; 15, с. 45–51].

Позднее наметилась тенденция еще большего уменьшения сил противников. Поводом для этого стали палеопочвенные, палеоботанические и палеогеографические исследования Куликова поля, проведенные в 1980-х гг. Оказалось, что на месте ныне широкого поля на правом берегу Непрядвы в древности располагался лес, постепенно переходивший в лесостепь, имевшую лишь небольшие открытые поляны-«скулиги» шириной 2–3 км. Их наличие не позволяло выстроить войска, как это принято изображать на схемах в учебниках. К тому же на них никак не могло уместиться сколь-нибудь значительное количество ратников [16, с. 60–70].

Неудивительно, что уже в 1982 г. А.Н. Кирпичников (1929–2020) пришел к выводу о преувеличении историками пространства Куликова поля, предназначенного для размещения полков в 2–3 раза. Отметил он и явную несообразность общепринятой схемы, когда полки размещались перед холмами, реками, долинами, а то и на месте вырубленных к XIX в. дубрав [17, с. 296–297].

Любопытны расчеты Ф.Ф. Шахмагонова (1923–2014), попытавшегося опровергнуть численные данные памятников Куликовского цикла. В советском школьном учебнике для 7-го класса М.В. Нечкиной и П.С. Лейбенгруба говорилось, что войско Дмитрия Ивановича насчитывало 150 тыс. воинов. По мнению некоторых историков, войско Орды превосходило русское войско в три раза, т. е. численность Мамаева войска приближалась к 500 тыс. воинов.

В современной литературе встречается утверждение, что все Куликово поле занимает площадь около 10 км². Можно ли разместить 650 тыс. конных и пеших воинов на этом пространстве, чтобы они имели возможность двигаться, действовать, идти в атаку, рубиться, наступать и отступать. Войско Мамаю было конным. Всадник для минимального движения, для того чтобы просто стоять в строю, должен занимать

пространство не менее чем в 6 м². В таком плотном строю войско Мамаев заняло бы 3 км². Уже эта цифра говорит об абсурдности утверждения о численности Мамаева войска в 500 тыс. воинов [18, с. 11–13].

Столь наглядная картина привела А.Е. Петрова к выводу о необходимости решительного отказа от прежней схемы сражения [19, с. 26–30]. В соответствии с этим историки стали резко уменьшать численность русской армии на Куликовом поле. Уже в 1976 г. А.Н. Кирпичников пришел к выводу, что у Дмитрия Донского было примерно 36 тыс. воинов, поскольку стотысячное войско превращается в «неуправляемую толпу людей, только мешающих друг другу». Примерно те же цифры (не более 30 тыс. бойцов или несколько меньше) позднее допустил Ю.В. Селезнев [20, с. 16; 21, с. 29]. Вероятно, такой же была и численность ордынцев. Тем самым получалось, что в битве с двух сторон участвовало приблизительно 60 тыс. чел.

Указанные цифры вполне сопоставимы с оценками числа участников наиболее известных сражений XIV–XV вв. в Западной Европе. В 1346 г. в сражении при Креси с английской стороны принимали участие около 6 тыс. воинов, включая примерно 2,5 тыс. конных латников, которым противостояли 20–25 тыс. французов, в том числе 12 тыс. рыцарей и 6 тыс. наемных арбалетчиков. В 1356 г. в битве при Пуатье против 6–7 тыс. англичан сражались около 11 тыс. французов (8 тыс. конных латников и 3 тыс. пехотинцев). В 1415 г. битва при Азенкуре закончилась победой английской армии численностью 9–9,5 тыс. чел. (в том числе 1,5 тыс. конных латников), разгромившей 12–14 тыс. французов, в составе которых было 8–9 тыс. конных латников [22].

В последние годы обозначилась тенденция к еще большему уменьшению численности русского войска. В.В. Пенской оценил численность русской рати на Куликовом поле в 5–6 тыс. конных воинов. А.А. Булычев пошел еще дальше, предположив, что в русском войске на Куликовом поле было порядка 1–1,5 тыс. конных воинов при общей численности всей рати (вместе с обозной прислужгой) около 3–5 тыс. чел. [23; 24, с. 11–12].

В соответствии с этим стало превалировать мнение, что битва была исключительно конным сражением. По мнению М.И. Гоняного (1953–2020), протяженность места боевых столкновений составляла 2 км при максимальной ширине 800 м. Что касается числа сражающихся, то на взгляд О.В. Двуреченского, следует говорить исключительно о конниках, «от пяти до десяти тысяч как с той, так и с другой стороны» [25]. Больше куликовские поляны вместить просто не могли.

Эти данные хорошо объясняли достаточно малое число найденных археологами на классическом месте битвы остатков вооружений [26]. Кроме того, более понятным становился вопрос о захоронении павших. Сорокалетние поиски могил участников сражения, начавшиеся на Куликовом поле сразу после 600-летнего юбилея в 1980 г., так ничего и не дали. Поэтому в литературе стала превалировать точка зрения, что по оценкам военных историков, в сражениях, подобных Куликовской битве, обычно погибало от 10 до 15 % воинов. Следовательно, в ходе Мамаева побоища могло пасть от 6 до 9 тыс. чел. Их останки могли разместиться в относительно небольшом захоронении площадью примерно 50 кв. м. Благодаря археологическим разведкам известно о существовании древнерусского могильника в районе села Монастырщино. Но планомерные раскопки там невозможны из-за наличия на этой территории сельских домов.

Как видим, в современной литературе возобладала точка зрения о незначительности сил, противостоявших друг другу, тем более что Куликово поле просто не могло физически вместить в себя более или менее значительные силы противников.

Однако данное утверждение входит в противоречие с данными источников. Как известно, через два года после Куликовской битвы на Русь напал хан Тохтамыш. Великий князь Дмитрий решил было сопротивляться, но людские потери на Куликовом поле были настолько велики, что он вынужден был оставить Москву.

Все это заставляет более тщательно рассмотреть аргументы сторонников незначительности сил на Куликовом поле. По подсчетам военных историков призывной потенциал составляет примерно 10 % от населения страны. Как уже говорилось, Е.А. Разин, опираясь на подсчеты Н.Д. Чечулина, оценивал численность населения России в XVI в. примерно в 1440 тыс. жителей. Но данная цифра является не более чем оценкой. Гораздо большего внимания заслуживают подсчеты, основанные на анализе источников. В частности, А.И. Копанев (1915–1990), опираясь на данные новгородских писцовых книг, пришел к выводу, что в середине XVI в. население России достигло 9–10 млн. чел. При этом за первую половину столетия оно увеличилось в 1,5 раза [27]. С учетом этого можно полагать, что в XIV в. оно должно было составлять не менее 4 млн. чел. При 10 % призывного потенциала можно говорить о 400 тыс. воинов, которых мог мобилизовать великий князь Дмитрий.

Данная цифра полностью подтверждается «Сказанием о Мамаевом побоище». Забелинский список «Сказания», очень внимательный к цифрам, указывает размеры русского войска, переправившегося через Оку. Великий князь приказал всем князьям и воеводам после переправы «росчести силу ево, кождо под которым воеводою, сколко силы, розочтоша же тогда Рускую землю. Говорит бо тогда 1-й [воевода] князь Федор Семенович: “подо мною силы 25 000”; второй воевода князь Глеб Брянской: “подо мною силы 25 000”;

третий воевода говорит князь Дмитрий Всеволожской: “подо мною силы 36 000”; четвертый же воевода князь Михайла Васильевич: “подо мною силы 20 000”; пятый воевода говорит Тимофей Волуевич: “подо мною силы 15 000”; шестой воевода Иван Родионович Квашня: “со мною силы 16 000”; седмой воевода переславский Андрей Серпухович: “со мною силы 16 000”; осмой воевода князь Андрей Муромской: “со мною силы 18 000”; девятый воевода Данила Белеутов: “со мною силы 13 000”; десятый воевода Константин Конанович: “со мною силы 20 000”; да всей силы с великим князем Дмитрием Ивановичем 400 000 без дву тысящ кованой рати. Того же дни приехаша после числа (т. е. исчисления. – *Авт.*) за Оку реку к великому князю посадники новгородские Великого Новаграда, а с ними силы пришло 30 000» [1, с. 180–181]. Таким образом, из общего числа ратников в 398 тыс. чел., которых удалось мобилизовать Дмитрию, Оку в конце августа 1380 г. перешли 234 тыс. воинов, включая новгородцев.

Эта же цифра в 400 тыс. мобилизованных встречается в описании Киприановской редакцией «Сказания» эпизода прихода к Березу за три дня до битвы пехоты и обоза: «и ту приидоша много пешаго воинства, и житестии мнози людие и купци со всех земель и градов». Данное известие явно восходит к очевидцу событий: «И бе видети зело страшно многое множество людей събрашися, грядуще в поле противу татар. И начаша считати, колико их всех есть, и изочтоша вящше четырех сот тысящъ воинства коннаго и пешего» [28, с. 60]. Важно отметить, что это количество практически точно совпадает с подсчетами Забелинского списка общего числа мобилизованных при переправе через Оку. Зная по подсчетам потерь, что в сражении принимало участие 303 тыс. чел., можно установить, что великий князь оставил в Москве и для охраны коммуникаций около 100 тыс. воинов.

Что касается оценки численности ордынского войска, укажем, что в распоряжении Мамаю было отнюдь не «девять орд и 70 князей», как говорится в «Задонщине». Согласно Забелинскому списку «Сказания», темник имел «силы моей 12 орд да три царства, а князей со мною 73, опрочи боловных, сполских 31 князь, а силы моей 453 000» [1, с. 170]. Комментируя данный отрывок, М.Н. Тихомиров писал: «что значит “боловных” неясно, возможно, здесь ошибка вместо “головных”. Слово “сполских” переводим как “степных” от слова “поле – степь”. Существовало и русское слово “сполие” (всполье), которое И. И. Срезневский переводил как “берег”, а Даль – как “край, окраина, начало поля, выгон”» [1, с. 331].

Разницу в показаниях «Задонщины» и «Сказания о Мамаевом побоище» относительно численности ордынского войска можно объяснить тем, что они относятся к разному времени. Известно, что Мамай стоял на Воронеже три недели. Очевидно, это было вызвано тем, что он ожидал подхода подкреплений. Аналогичную ситуацию видим и в случае с русской стороной. В частности, Пространная «Летописная повесть», говоря о сборе русских войск в Коломне, сообщает: «И съвокупився с всеми князми рускими и с всею силою, и поиде противу их вборзе с Москвы, хотя боронити своя отчины, и прииде на Коломну и събрав вой своих 100 и 50 тысящ опрочно рати князей и воевод местных» [1, с. 31; 28, с. 17]. В данном случае речь идет о том, что собственные силы Дмитрия составляли 150 тыс. чел.

Говоря об оценке Ю.В. Селезневым русского войска по размерам вчетверо больше татарского, следует упрекнуть исследователя в неучете всей совокупности источников. Действительно, в Основной и Летописной редакциях «Сказания» читаем: «Поведаша царю, яко князей русских вьинство четверицею больши нашего събрания». Остается, правда, непонятным – каким образом они смогли так точно оценить силу противника. Ясность наступает, если прочитать данный сюжет по Распространенной редакции, содержащей неискаженный переписчиками текст: «много людей видеша, с четверицею того сказаша царю множество людей видеша». Тем самым выясняется, что известие о приходе русских оказалось для Мамаю полной неожиданностью, и он поверил в него только после того, как это подтвердил не один, а четверо воинов [1, с. 16, 62, 95, 140–141, 187].

Как видим, показания «Сказания о Мамаевом побоище», несмотря на то, что оно было создано спустя столетие после битвы, следует признать достоверными.

Но могла ли такая огромная масса людей разместиться близ впадения Непрядвы в Дон? Как уже говорилось, в XIV в. это была местность с относительно небольшими открытыми полянами. Между тем летописи, описывая место битвы, дружно подчеркивают наличие огромного открытого пространства. Софийская первая и Новгородская четвертая летописи сообщают, что «великий же князь Дмитрии Иванович перешед в поле чисто в ордынская земли, на усть Непрядвы реки» [29, т. VI, вып. 1, стб. 463; т. IV, ч. 1 с. 318]. Это подтверждают Новгородская первая летопись: «Въниде бо в землю их за Дон и бе ту поле чисто, на усть реки Непрядвы» [29, т. III, с. 376], Симеоновская летопись и Рогожский летописец: «Князь же великий поиде за Донъ, и бысть поле чисто и велико зело, и ту сретошася погани половци, татарскийи полци, бе бо поле чисто на усть Непрядвы реки» [29, т. XVIII, с. 129; т. XV, стб. 139], Новгородская летопись по Списку Дубровского: «пришедшо за Дон, в поле чисто, в Мамаеву землю, на усть Непрядвы реки» [29, т. XLIII, с. 134]. Особенно важны летописные указания о размерах поля, на котором войска были развернуты на протяжении десяти верст:

«И покрыша полки поле, яко на десяти версть отъ множества вои» [29, т. IV, ч. 1, с. 319; т. VI, вып. 1, с. 463; т. XLIII, с. 135].

Эти свидетельства полностью противоречат результатам палеогеографических и палеоботанических исследований, говорящих об отсутствии широких открытых пространств на официально признанном месте Куликовской битвы. Данное обстоятельство заставило в 2012 г. С.Н. Азбелева (1926–2017) отказаться от классической версии и попытаться найти действительное место битвы.

Главной географической «привязкой» места битвы к местности послужило указание источников, что сражение произошло «на усть реки Непрядвы». Словом «устье» в современном русском языке обозначают впадение реки в другую реку, озеро, море. Но в Древней Руси, согласно словарю И.И. Срезневского, у него существовали и другие значения, одно из которых означало «исток реки: на усть – при истоке». К нему языковед дал пример из Новгородской первой летописи, где под 1323 г. читаем о завершении войны Новгорода со Швецией: «В лето 6831. Ходиша новгородци съ княземъ Юрьемъ и поставша город на усть Невы, на Ореховомъ острове; ту же приехавше послы великы от свеиского короля и докончаша миръ вечный съ княземъ и с Новымъгородомъ по старой пошлине» [30, стб. 1292; 29, т. III, с. 97, 339, 457]. Речь идет о строительстве крепости Орешек (ныне – Шлиссельбург) на Ореховом острове при истоке Невы, вытекающей из Ладожского озера.

Подобно Неве Непрядва в древности брала свое начало из озера. В одном из списков «Книги Большому чертежу» читаем: «а Упа река вытекла от Куликова поля с Муравского шляху из Волово озера от верху речки Непрядвы» [31, с. 59]. Это привело исследователя к мнению, что место битвы следует искать вблизи истока Непрядвы, приблизительно в 50 км от впадения ее в Дон [32].

Указанная локализация места битвы позволяет не только решить вопрос о возможности нахождения огромной массы людей, но и указывает на так долго ускользавшие от археологов могилы погибших в сражении. Согласно «Сказанию», великий князь Дмитрий для погибших «повеле ямы копати великие на пре-высоцем месте, и всех ям копаша 300 000» [1, с. 202]. Это свидетельство дает прямое указание на местонахождение могил. Обратившись к археологической карте Тульской области, находим соответствующие объекты. Первым наше внимание привлекает грунтовый могильник близ деревни Баташевка на мысу правого коренного берега Красивой Мечи при устье оврага, к северу от последнего. На пашне, на площади около 50 x 30 м, на высоте около 25 м над рекой были найдены фрагменты человеческих костей [33, с. 55. № 942 (81)]. Еще один грунтовый могильник предположительно обнаруживается на высоте более 35 м над Красивой Мечой около деревни Солодилово (Зайчовка) [33, с. 62–63. № 991 (50)]. Наконец, третий грунтовый могильник находится рядом с деревней Юдинка на правом склоне Орешинского оврага, спускающегося к долине Красивой Мечи. Его размеры составляют около 160 x 60 м, а сам могильник лежит на высоте 25–35 м над рекой. На пашне были обнаружены многочисленные остатки разрушенных человеческих скелетов со следами гробовищ [33, с. 66. № 1007 (57)].

И хотя эти захоронения известны достаточно давно, на них не обращали внимания, полагая, что они никоим образом не связаны с событиями 1380 г. Думается, что новые археологические разведки на этих местах подтвердят наш вывод.

Подводя итоги, можно констатировать, что при общем народонаселении русских княжеств примерно в 4 млн. чел., Дмитрию Донскому удалось мобилизовать 400 тыс. воинов, из которых 300 тыс. непосредственно сражались на Куликовом поле. Из них погибло 250 тыс. чел. При этом большинство из них являлись мужчинами самого репродуктивного возраста.

Отзвуки этого демографического эха дошли до нас в виде Дмитриевской родительской субботы – дня всеобщего поминовения усопших, совершаемого ежегодно в субботу перед днем памяти великомученика Димитрия Солунского, приходящимся на 26 октября (8 ноября по новому стилю). В православной литературе по поводу времени установления Дмитриевской родительской субботы мнения различны. Большинство полагает, что поминовение усопших в субботу перед днем памяти великомученика Димитрия Солунского было установлено князем Дмитрием Донским после Куликовской битвы. Другие считали, что Дмитриевская родительская суббота заменила собой языческие тризны, существовавшие ранее у славян и других народов.

Обращение к источникам показывает, что правы первые. Широко известен обычай поминовения умерших на сороковой день. В Москве известия о погибших были получены 11 сентября 1380 г., на четвертый день после битвы: «и сказаха им, которые побиты» [1, с. 202]. В этот же день на Куликовом поле похоронили последних из них. Волей случая сороковой день после получения сообщения о погибших пришелся на субботу 20 октября 1380 г. Традиция поминовения закрепилась. Сначала в этот день поминали именно тех, кто погиб на Куликовом поле, потом, начиная с XV в. он стал днем поминовения всех умерших.

Источники и литература

1. Повести о Куликовской битве. М., 1959.
2. *Афремов И.[Ф]*. Куликово поле с реставрированным планом Куликовской битвы в 8-й день сентября 1380 года. Отрывок из Исторического обозрения Тульской губернии. М., 1849.
3. *Масловский Д.Ф.* Из истории военного искусства в России // Военный сборник. 1881. № 8. С. 212.
4. *Голицын Н.С.* Русская военная история. Ч. 1. СПб., 1877.
5. *Луцкий Е.* Куликово поле // Исторический журнал. 1940. № 9. С. 44–54.
6. *Карасев А.В., Оськин Г.И.* Дмитрий Донской. М., 1950.
7. *Строков А.А.* История военного искусства. М. 1955. Т. 1: Рабовладельческое и феодальное общество.
8. *Ашурков В.Н.* На Куликовом поле. Тула, 1967.
9. *Разин Е.А.* История военного искусства. СПб., 1999. Т. 2: История военного искусства VI–XVI вв.
10. *Пацито В.Т.* Образование Литовского государства. М., 1959.
11. *Тизенгаузен В.Г.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. М.; Л., 1941. Т. II.
12. *Кучкин В.А.* Победа на Куликовом поле // Вопросы истории. 1980. № 8. С. 3–21.
13. *Бескровный Л.Г.* Куликовская битва // Куликовская битва. М., 1980. С. 6–20.
14. *Урланис Б.Ц.* Войны и народонаселение Европы. М., 1960.
15. *Селезнев Ю.В.* Мобилизационный потенциал Руси в конце XIV – начале XV в. (к постановке проблемы) // Н.И. Троицкий и современные исследования историкокультурного наследия Центральной России. Тула, 2002. Т. II: История, этнография, искусствоведение. С. 45–51.
16. *Александровский А.Л.* Палеопочвенные исследования на Куликовом поле // Куликово поле. Материалы и исследования. М., 1990. С. 60–70.
17. *Кирпичников А.Н.* Великое Донское побоище // Сказания и повести о Куликовской битве. Л., 1982. С. 291–305.
18. *Шахмагонов Ф.Ф.* Куликовская битва русского народа. Опыт реставрации исторического события // Бригантина. Сборник рассказов о путешествиях, поисках, открытиях. М., 1980. С. 4–34.
19. *Петров Е.А.* Куликово поле в исторической памяти: формирование и эволюция представлений о месте Куликовской битвы 1380 г. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2002. № 3(13). С. 26–30.
20. *Кирпичников А.Н.* Военное дело на Руси в XIII–XV вв. Л., 1976.
21. *Амелькин А.О., Селезнев Ю.В.* Куликовская битва в свидетельствах современников и памяти потомков. М., 2010.
22. *Пенской В.В.* Возвращаясь к вопросу о численности русской рати на Куликовом поле // Археология евразийских степей. 2020. № 6. С. 337–350.
23. *Пенской В.В.* О численности войска Дмитрия Ивановича на Куликовом поле // Военное дело Золотой Орды. Проблемы и перспективы изучения. Материалы круглого стола, проведенного в рамках международного Золотоордынского форума (Казань, 30 марта 2011 г.). Казань, 2011. С. 157–161.
24. *Булычев А.А.* Живые и мертвые // Родина. 2010. № 8. С. 8–14.
25. *Чеботарев А.* В поисках Куликова поля [беседа с руководителями Верхне-Донской археологической экспедиции Государственного Исторического музея] // Нескучный сад. 2005. № 4 (15). С. 95–96.
26. Каталог реликвий Донского побоища, найденных на Куликовом поле. К 625-летию Куликовской битвы. М., 2005.
27. *Копанев А.И.* Население Русского государства в XVI в. // Исторические записки. М., 1959. Т. 64. С. 237–244.
28. Сказания и повести о Куликовской битве. Л., 1982.
29. Полное собрание русских летописей. Т. III. М., 2000. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М., 2000; Т. IV. Ч. 1. Новгородская четвертая летопись. М., 2000; Т. VI. Вып. 1. Софийская первая летопись старшего извода. М., 2000; Т. XV. Рогожский летописец. Тверской сборник. М., 2000; Т. XVIII. Симеоновская летопись. М., 2007; Т. XLIII. Новгородская летопись по списку П.П. Дубровского. М., 2004.
30. *Срезневский И.И.* Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. СПб., 1903. Т. 3.
31. Книга Большому чертежу. М.; Л., 1950.
32. *Азбелев С.Н.* География сражения на Куликовом поле // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2013. № 3. С. 4–5; 2013. № 4. С. 12–20.
33. Археологическая карта России. Тульская область. Ч. 2. М., 2002.